

Великій постъ для труппы «извѣстныхъ провинціальныхъ артистовъ, подъ управленіемъ Гарина-Забайкальскаго», былъ дѣйствительно *великимъ* постомъ.

Какой злой духъ собралъ этихъ полуграмотныхъ, осатаѣвшихъ отъ яростной борьбы за существованіе, одерганныхъ, понурыхъ, голодныхъ людей въ одну компанію?

Кто надумилъ купеческаго сына Анкудима Паршина сдѣлаться антрепренеромъ послѣ того, какъ его тятенька, умершій отъ перепоя, оставилъ ему въ наслѣдство двѣ тысячи рублей? Зачѣмъ, для чего купеческій сынъ принялъ театральныи псевдонимъ— «Гаринъ Забайкальскій» и, собравъ труппу, снялъ театръ въ городѣ Замухрянскѣ?.. Никакой геній не могъ бы отвѣтить на

эти вопросы, даже послѣ самаго тщательнаго и всесторонняго изслѣдованія обстоятельствъ дѣла.

Городъ Замухрянскъ «на картѣ генеральной кружкомъ означенъ не всегда». Когда русское театральное общество будетъ составлять для своихъ надобностей соответственную карту, оно, вѣроятно, обозначитъ Замухрянскъ тремя восклицательными знаками, викакъ не менѣе. Тамъ имѣется деревянный баракъ, болѣе годный для помѣщенія больныхъ въ холерный годъ, чѣмъ для представленій трагедій Шекспира. Но это бы еще съ поль-бѣды. Главное въ томъ, что мѣстные обыватели обладаютъ художественнымъ вкусомъ въ сорокъ лошадиныхъ силъ. Ничто, существующее на современномъ театральномъ рынкѣ, не въ силахъ ихъ удовлетворить. Съ тѣхъ поръ, какъ оборудованъ въ Замухрянскѣ холерно-театральный баракъ, никогда еще сборъ въ его много-страдальныхъ стѣнахъ не превышалъ рубля шестидесяти копѣекъ (бенефисъ премьерши, знаменитой столичной артистки Пылаевой-Селезенкиной). Замухрянцы предпочитаютъ травить на улицахъ собаками бритыхъ личностей, съ рѣдкостнымъ уютомъ появляющихся въ городѣ на смѣну лопнувшимъ по всѣмъ швамъ предшественникамъ. Достойно, также, замѣчанія, что ни одинъ домовладѣлецъ и никакой содержатель постоялаго двора не отдаютъ актерамъ помѣщенія ни за какія деньги. Гдѣ ютятся на-ѣзжіе въ Замухрянскѣ липедѣи — одна изъ таинственныхъ загадокъ мірозданія.

Труппѣ Гарина-Забайкальскаго особенно не повезло. Въ первый же мнновеніи, когда актеры разбрелись по городу, въ поискахъ пристанища, обывателями овладѣло веселое настроеніе. О, смѣхъ— вещь убійственная, особенно для тѣхъ, кто голоденъ и нуждается въ братскомъ сочувствіи!..

Понурый, одерганный фигуры, распахивавшія направо и на-лѣво о томъ, «нѣтъ ли подходящей квартирки», а потомъ, вечеромъ, учинившія скандалъ въ мѣстномъ эльдорадо подѣ фирмой «Встрѣча друзѣй», стали притчей во языцѣхъ.

Улица живо нашла имъ клычку—*индѣйцы*. Почему—индѣйцы? Это тайна толпы, секретъ ея мѣткого зубоскальства. Но съ такими прозвищемъ труппа «извѣстныхъ провинціальныхъ артистовъ» начала зимній сезонъ.

Это была долгая, мучительная агонія, переживать которую способенъ одинъ только русскій провинціальный актеръ.

Здравый смыслъ проснулся, наконецъ, у бывшаго негодянта (мелочного лавочника) Анкудима Паршина. Съигравъ, при пустомъ сараѣ, при «бенгальскомъ освѣщеніи», въ костюмѣ изъ чернаго коленкора, Гамлета, въ томъ же костюмѣ Отелло, Коррадо и Вѣчнаго Жиды, онъ вдругъ, внезапно безглѣдно исчезъ, не сказавъ даже слова «героинѣ», которая была къ нему болѣе чѣмъ благосклонна.

Послѣ этого пассажа, обычнаго, впрочемъ, въ русскомъ театральномъ мірѣ, труппа «распалась». Иными словами: кто имѣлъ хоть какую-нибудь возможность продать что-нибудь или заложить, послѣ сложныхъ коммерческихъ операцій унесъ изъ милаго города ноги. Весь «женскій персоналъ» устроился сравнительно, благополучно: героиня получила на билетъ «отъ почитателя таланта»—купца Очумѣлова, который былъ радъ-раде-хонекъ сплавить съ рукъ трагическую настроенную и опытную въ дѣлѣ организаціи уличныхъ скандаловъ даму; «эниженю» волшебнымъ образомъ очутилась въ новой роли экономки у мѣстнаго вдоваго брандмейстера (его каланча отдѣлялась отъ театра только ветхимъ дощатымъ заборчикомъ). Выходныя актрисы тоже разошлись по рукамъ. Даже «комическая старуха», отличавшаяся набожностью, ухитрилась пристроиться въ качествѣ кастелянши при замухрянскомъ «домѣ призрѣнія», извѣстномъ подѣ названіемъ «дома презрѣнія». Драматическій любовникъ переселился въ имѣніе какой-то госпожи Мандрыкиной, сорока-ка-ка-ка и т. д. лѣтъ, для непрерывнаго обученія ея декламаторскому искусству. Остальные «персонажи»: комикъ, простакъ, резонеръ и сфюлеръ, люди весьма преданные своему искусству и достойные во всѣхъ отношеніяхъ, даже и не пытались тянуть дальше погибшее дѣло: не на что было печатать афишъ, «библіотекъ» увезъ съ собой Гаринъ-Забайкальскій, женщины разбрелись... Правда, театръ еще оставался. Его владѣлецъ совершенно резонно разсудилъ, что теперь, все равно, до лѣта этотъ сарай никто не сниметъ, а если такой грѣхъ случится, то старыхъ актеровъ

всегда можно со двора долой... Пока же все-таки люди за зданіемъ присмотрятъ безвозмездно.

Такъ какъ онъ не выгналъ оставшихся липедѣевъ, то они и поселились въ своемъ театрѣ коротать зиму.

Устроились они въ общемъ «шикарно»: къ ихъ услугамъ была декорация, бутафорская мебель (преимущественно «готическаго» стиля, деревянная, съ высокими спинками, годная и для «Бориса Годунова» и для «Двухъ сиротокъ», и для «Шейлока»). Затѣмъ, въ театрѣ имѣлась декорация: тропическій лѣсъ и павильонъ (онъ же «тронная зала», будуаръ, средневѣковая тюрьма и т. д.).

Одно только было прискорбно: въ сараѣ стоялъ волчій холодище. Выпадали въ жизни «индѣйцевъ» мгновенія, когда, чтобы хоть немного погрѣться, сама собою напрашивалась мысль о поджогѣ той деревянной нечисти, въ которой жизнь осудила ихъ ютиться. Однако благоразуміе одерживало верхъ надъ воплями обиженной «физики»; «индѣйцы», сшіе отъ холода, любивались на «тропическій лѣсъ», сооруженный на сценѣ, дули въ кулаки, топали ногами и согрѣвали себя бесѣдами о высокомъ искусствѣ. Главное мѣсто въ подобныхъ бесѣдахъ принадлежало монологамъ на тему о томъ, какой подлецъ Гаринъ-Забайкальскій.

«Индѣйцы» что-то ѣли... По что?—объ этомъ ближе всего была освѣдомлена бывшая «эниженю», а теперь экономка вдоваго брандмейстера, которую въ труппѣ называли попросту—«Машка». Она долгое время передавала своимъ товарищамъ по несчастію различные узелки и свертки, черезъ ветхій заборчикъ, отдѣлявшій храмъ искусства отъ логовища брандмейстера. «Индѣйцы» до такой степени свыклись съ этой системой, что принимались роптать, если Машкина благостыня казалась недостаточно жирной, вкусной и содержательной. Когда Машка урывками прибѣгала въ сарай, «индѣйцы» горько ей выговаривали за то, что она «забываетъ товарищей». И та только моргала глазами въ отвѣтъ на громовые монологи резонера, язвительныя шуточки комика или простака и сиплый шепотъ сфюлера. Ей не приходило въ голову, что, собственно, у нея на плечахъ четыре здоровенныхъ трупя. Если, въ дурной часъ, кто-нибудь, глядя на нее въ упоръ, принимался декламировать: «бриліанты, цвѣты, кружева, доводящіе умъ до восторга, а на лбу роковыя слова...»—Машка не крикнула ни разу своимъ «товарищамъ»: Какъ же вы не давитесь моимъ «проклятымъ хлѣбкомъ»?! Ей даже было не вдомекъ, что вдовый брандмейстеръ не только не даритъ ей «бриліантовъ, цвѣтовъ, кружевовъ», а и ситець—то на юбку отпущаетъ не иначе, какъ съ оскорбительною для ея женскаго достоинства руганью...

Машка не часто навѣщала «товарищей», по случаю того, что ея обязанности въ новомъ положеніи были сложны и многообразны. Но вдругъ ея посѣщенія сразу совсѣмъ прекратились. «Индѣйцы» тѣсно служдали возлѣ ветхаго заборчика, и каждый разъ, вмѣсто жданной фигуры Машки, видѣли огромнаго брандмейстера, который разгуливалъ по двору и что-то сторожилъ. Видъ его не общалъ «индѣйцамъ» ничего хорошаго. Было очевидно, что почтенный бюстистъ догадался о систематическомъ расхищеніи эниженю-Машкой его добра и принялъ крутыя мѣры.

«Индѣйцы» сразу пали духомъ. Они почувствовали себя болѣе безпомощными, чѣмъ на необитаемомъ островѣ: тамъ хоть можно что-нибудь промыслить, кокосовый орѣхъ, что ли, а въ Замухрянскѣ да еще постомъ... Въ ту эпоху, къ которой относился наше повѣствованіе, великопостные спектакли были еще запрещены, иными словами: провинціальные актеры, живущіе поденнымъ заработкомъ, осуждались на голодную смерть. До половины поста, благодаря великодушной и даже самоотверженной помощи Машки (сколько у нея было за это сняжковъ!), кое-какъ дотянули. Но послѣднія недѣли выдались поистинѣ страшными. Комикъ нашелъ было какого-то жиды, согласившагося пріобрѣсти по сходной цѣнѣ «готическую мебель». Но хозяинъ театра имѣлъ, въ лицѣ сторожа Антипа, недреманное око. Антипъ перенесъ вмѣстѣ съ «индѣйцами» зимовку въ театральномъ сараѣ, точно дѣло происходило съ членами какой-нибудь полярной экспедиціи, однако ни одна деревянная вещь, числящаяся въ театральномъ инвентарѣ, не была сожжена. И теперь жидъ потерпѣлъ со своими филантропическими планами крушеніе: Антипъ при-

грозилъ, что «ежели» что—хозяину станетъ жалиться и даже до полиціи дойдетъ... Комикъ, простакъ, сфюлеръ и резонеръ окончательно осѣли. Давно уже у всѣхъ имѣлось одно-единственное общее пальто (остальные были «пристроены»). Но и оно уцѣлѣло исключительно въ силу того, что никакой татаринъ не соглашался дать за этотъ музейный предметъ даже пятакъ.

Оставалось, какъ говорятъ мужики въ періодъ голодовокъ, ложиться брюхомъ вверхъ и—помирать.

А тутъ подошла Страстная... Еще два-три дня—и Пасха, Свѣтлый день... Машка-же какъ въ воду канула, и вѣстей о своей участи не подаетъ, а грозный брандмейстеръ все ходитъ—похаживаетъ...

- Смерть, братцы...
- Хотѣ крысъ лови да жри...
- Что же, говорятъ: во время осады Парижа, когда французамъ совсѣмъ мать пришелъ, крысы стали гастрономическимъ блюдомъ... Помнишь монологъ въ «Суринамской утопленницѣ»?..
- Дуракъ ты! Я, чай, православный человѣкъ, хоть и актеръ...
- А разговѣться все же надо, — меланхолически сказалъ комикъ.—Везъ разговѣнья — жизнь не въ жизнь. Лучше тогда хорошую веревку да на «колосники». Повисѣть не болѣе сорока минутъ... Очень освѣжаетъ... Лѣсъ вокругъ тропическій.
- Хрю, хрю, хрю... У-и-и-и... хрю-хрю...
- Это, что?!
- На дворѣ... у забора, должно быть... брандмейстерская свинья чешется...
- Давно, братцы, гляжу я на нее любовнымъ взоромъ...
- Къ пасочкѣ бы... окорочекъ...
- Хрю-хрю-хрю...

«Индѣйцы» молча переглянулись. Ихъ лица были блѣдны и на нихъ лежалъ отпечатокъ рѣшимости. Наконецъ, простакъ произнесъ:

- Что же, если Машка перестала быть товарищемъ...
- Ночью надо... — внушительно прорычалъ резонеръ, поимавшій толкъ въ мелодрамахъ.
- Ночью невозможно: ее запираютъ...
- Ну, такъ... Эхъ, чертъ! Однова погибать! Слушай-ка, ко-

микъ, ты всѣхъ шустрыѣй... Изловчись, вытащи нижнюю доску у заборчика или двѣ... она и придетъ...

- Ночью бы...
- Да пойми ты, чудакъ: какой нынче день? Страстная суббота... Надобно ее умертвить, опалить...
- Театръ сожжемъ...
- Начево не сожжемъ: подѣ сценой—то какъ удобно: ни воплей не будетъ слышно наружу, ни запаха...
- А какъ мы ее умертвимъ? Никакого, братъ, у насъ колющаго оружія...
- А бутафорія-то на что?! Анти-и-ипъ!..
- Сча-асъ!..
- Слушай, Антипушка, не можешь-ли ты раздобыть изъ бутафорскаго склада мечъ Гамлета?
- А вамъ на что? Колбасу рѣзать? Такъ это руками...
- Нѣтъ... Видишь ли, я отъ скуки хочу въ фехтованіи упражняться... Позабудешь иначе-то, здѣсь сидѣвши...
- Ну, ежели отъ скуки...
- Принеси, голубчикъ!..
- Счасъ...
- А ты, комикъ, пока иди къ заборчику. И чтобы тихо, конфиденціально... А ужъ она сама придетъ, будь покоенъ...

Комикъ ушелъ. Антипъ принесъ рапиру. Подѣ какимъ-то предлогомъ его услали. Да онъ и самъ былъ радъ уйти къ своимъ въ канунъ великаго праздника.

Ожиданія были томительны. Смеркалось. Всѣ молчали. Вдругъ въ зрительномъ залѣ, зівшемъ какъ черная пропасть, раздались «сдержанные» басовые звуки:

- Хрю-хрю-хрю...
- Пришла!.. Голубушка, избавительница!..
- Иди, душа, во адъ и буди вѣчно плѣнна!
- Рапиру, рапиру... Мы ее умертвимъ...

Вдругъ изъ черной пропасти раздался зычный голосъ брандмейстера:

— Антипъ! Андронъ! Колесовъ! Зажигай огонь! Тутъ они, голубчики, всѣ цѣликомъ! Чужихъ свиней воровать?! Вязи ихъ, тамъ завтра утромъ разберемъ!.. Веди ко мнѣ въ часть, благо заборъ разобрали!..

.....

Глубокая ночь. «Индѣйцы» сидятъ въ какой-то темной мурѣ. Они даже и не пробовали сопротивляться. Что теперь съ ними будетъ? Вѣдь, говоря по совѣсти, ими совершенно форменное воровство... Ну, что бы ни было, а какъ хохлы говорятъ: «хоть гарше, да ише». Всякіе присяжные оправдаютъ: не умирать же, въ самомъ дѣлѣ, съ голоду въ такой дырѣ, какъ Замухрянскъ...

А который теперь часъ? Скоро полночь... Заутреня... Добрые люди разговляются въ семьѣ, радостные; только имъ, пасынкамъ жизни, захолустнымъ гаерамъ, не суждено и этой маленькой радости... Хуже: впереди—позоръ, судбище... И нѣтъ никого, кто бы сказалъ имъ сейчасъ святую вѣсть о воскресеніи... возрожденіи...

- Бу-у-у-мъ...
- Первый ударъ колокола... У резонера слезы на нахмуренныхъ глазахъ. Сфюлеръ уткнулся лицомъ въ уголъ и тяжело хрипитъ. Комикъ притворился спящимъ. Простакъ закрылъ лицо руками. Вдругъ отворилась дверь, и въ комнату ворвалась масса свѣта. На порогѣ стояли брандмейстеръ и сіяющая Машка.
- Христосъ Воскресе! Пойдемте-ка, у насъ заутреня въ казармѣ. А потомъ разговѣмся, чѣмъ Богъ послалъ...
- «Индѣйцы», ваша Машка никогда не измѣняла «товарищамъ».

С. А. Сафоновъ.

